

**ЛІТЕРАТУРА
В
КОНТЕКСТІ
КУЛЬТУРИ**

**КИЕВ
2012**

**ЛІТЕРАТУРА
В
КОНТЕКСТІ
КУЛЬТУРИ**

**КИЕВ
2012**

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ, МОЛОДІ ТА СПОРТУ УКРАЇНИ

ДНІПРОПЕТРОВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
імені ОЛЕСЯ ГОНЧАРА

ЛІТЕРАТУРА В КОНТЕКСТІ КУЛЬТУРИ

Збірник наукових праць

Випуск 22 (2)

Київ
Видавничий дім Дмитра Бураго
2012

УДК 82. 088 (082)
ББК 83 Я5
Л 64

Рекомендовано до друку вченою радою Дніпропетровського національного університету ім. Олеся Гончара згідно з планом видань на 2012 р.

Л 64 Література в контексті культури : зб. наук. праць / ред. кол.: В. А. Гусев (відп. ред.) та ін. – К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2012. – Вип. 22 (2). – 316 с.

Досліджено питання української та зарубіжної літератури в історико-культурному контексті, вивчено епічні, ліричні та драматургічні твори. Збірник побудовано на матеріалах Всеукраїнської наукової конференції «Література в контексті культури – 2012» (Ситніковські читання).

Для літературознавців, викладачів вищих, середніх спеціальних навчальних закладів та шкіл, аспірантів та студентів-філологів.

Редакційна колегія:

д-р філол. наук, проф. **В. А. Гусев** (відповідальний редактор),
д-р філол. наук, проф. **Т. М. Потніцева**,
д-р філол. наук, проф. **Н. І. Заверталюк**,
д-р філол. наук, проф. **О. Л. Калашникова**,
д-р філол. наук, проф. **В. Д. Демченко**,
д-р філол. наук, проф. **В. Д. Нарівська**,
канд. філол. наук, доц. **О. І. Романова** (відповідальний секретар)

Рецензенти:

д-р філол. наук, проф. **В. І. Сілантьєва**,
д-р філол. наук, проф. **О. М. Ніколенко**

Збірник наукових праць «Література в контексті культури» згідно з рішенням ВАК України включено до нового переліку наукових фахових видань України (з постанови президії ВАК України від 14 квітня 2010 р. 1-05/3) // Бюлетень вищої атестаційної комісії України. – К., 2010. – № 5.

УДК 82. 088 (082)

ББК 83 Я5

© Дніпропетровський національний університет
ім. Олеся Гончара, 2012
© Автори статей, 2012

УДК А 162

С. Д. Абрамович

г. Каменець-Подольський

**SACRUM И ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ИЗУЧЕНИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Статья посвящена вопросу о Библии как интертексте русской литературы и о недостаточности традиционных, в первую очередь, социологических и академическо-позитивистских методов ее изучения, о необходимости использования различных современных подходов.

Ключевые слова: современная литературоведческая методология системный подход, Библия, «православное литературоведение».

Статтю присвячено питанню про Біблію як інтертекст російської літератури та про недостатність традиційних, в першу чергу, соціологічних та академічно-позитивістських методів її вивчення, про необхідність використання різноманітних сучасних підходів.

Ключові слова: сучасна літературознавча методологія, системний підхід. Біблія, «православне літературознавство».

Article is devoted to the Bible as intertext of Russian literature and the inadequacy of the traditional, primarily sociological and academic-positivist methods of its study, the need to use various modern approaches.

Keywords: contemporary literary methodology, a systematic approach, Bible, «orthodox literary criticism».

Я хочу напомнить читателю такую сцену. Юная Соня Мармеладова вынужденно, чтобы спасти от голода своих близких, идет на панель; выйдя из дому в шесть часов, она возвращается в девять, с тридцатью целковыми. Молча положив их на стол, она падает на кровать, и – «только плечики вздрагивают». Если воспринимать эту сцену единственно в плоскости реалистического бытописания, то остается впасть в отчаяние от крайней униженности человека. Но все дело в том, что с шестого по девятый час умирал на кресте Христос, чья невинная кровь была оплачена тридцатью сребренниками. Это Его вечные раны горят в растерзанной плоти девушки, повторившей подвиг Спасителя без всякой надежды на понимание и прославление. Без этой символики роман Достоевского был бы плосок и ужасен [1, с. 23]. И найти ответ лика Христа в растоптанной петербургской блуднице мог только художник, прозревающий под грязной плотью реальности некие скрытые силовые линии бытия. Можно ли обнаружить этот – главный – смысл произведения Достоевского, используя привычный инструментарий социологического подхода?

Казалось бы, старое российское, советское, да и постсоветское литературоведение рассматривает литературу в первую очередь в идейно-социологическом ключе. Но ключ этот исторически сложился как постепенная контаминация взаимоисключающих установок: во-первых, трактовки писателя как «учителя» (с древнерусских времен), во-вторых, – еще и как «слуги общества» (эпоха секуляризации). Десакрализованное творчество автоматически обращалось лицом к задаче прославления исключительно земного жизнеустройства; особенно четко поставил вопрос именно так классицизм, который устами Буало запретил писателю обращаться к Библии, зато обязал воспевать монарха. Как ни странно, такой подход только укрепили позитивистские установки авторитетной

© С. Д. Абрамович, 2012

поэта, его краткую биографию, рассказывает о личных взаимоотношениях с Ерошиным, помогая разглядеть в его личности «настоящего большого поэта». Называя Ерошина «любителем классической древности и русской старины», Мартынов приводит цитаты из нескольких стихотворений поэта. Строки из стихотворения «Петербургская комната» автор выбирает не случайно, а чтобы показать, что та «пыльная», «гнилая» обстановка петербургского жилища Ерошина, где «в углах попрятались изысканные сплетни, задумчив шкаф с недоумением книг», были лишь временным пристанищем поэта. А в Сибирь из «мира акмеистов» и «политкультуровцев» поэт приехал по зову души, как большой «любитель русской старины» и крестьянства. Цитатой из следующего стихотворения, строки из которого дали название главе, автор показывает, что позднее ему представляется уже другой Ерошин – тот, «кем он еще и не стал, то искренне хочет стать». Теперь для Мартынова поэт – «младший брат Есенина», автор говорит о его близости к простому народу, подлинной человечности, интернационализме – духовном согласии между народами, к которому каждого ведет своя дорога. Эти сведения позволяют увидеть поэта И. Ерошина с новой, ранее неизвестной стороны, что, несомненно, пригодится исследователям его творческого пути. Название одной из глав второй автобиографической книги Л. Мартынова «Черты сходства» – «Россия, верная мечте» – является неточным фрагментом цитаты из стихотворения В. Брюсова «Третья осень» – «... идет к заповедным победам вся Россия, верна мечте». В этой главе речь идет о выходе в свет журнала «Искусство» №2, в котором наряду со стихотворениями Вс. Иванова, П. Драверта, Г. Вяткина и других сибирских писателей и поэтов в 1922 г. были напечатаны и стихи Л. Мартынова.

Таким образом, из множества фактов и обстоятельств своей жизни он выбирает лишь те, которые представляют для него особый интерес – те, что касаются непосредственно поэзии. О ком бы ни писал Л. Мартынов, ним всегда движет жажда полного самовыявления и самопознания, стремление докопаться до глубин, до самых истоков своей личности, и, как верно замечает Б. Сарнов, «... найти себя, найти свое субъективное отношение к жизни, к искусству, выяснить для самого себя, что же он в действительности думает о себе, о своих современниках, о людях творчества» [10, с. 383]. Из всего сказанного можно сделать вывод, что настоящий художник слова заставляет читателя ощутить свое восприятие кого-либо как свое собственное. Многие заглавия автобиографических книг Л. Мартынова несут интертекстуальный характер. Интертекстуальность связывает называемый им новый текст с уже известными явлениями искусства, вводит его в общий контекст культуры. Чаще всего реализация происходит посредством цитаты, точной или измененной. Интертекстуальность заглавий подразделяется на несколько типов: заглавия – точные цитаты из другого художественного текста, заглавия – неточные, преобразованные или сокращенные цитаты, заглавия, включающие образ, связанный с другим художественным текстом, а также заглавия, совпадающие с названиями произведений, которые непосредственно связаны с данным текстом и служат его основой.

Библиографические ссылки

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / Ирина Владимировна Арнольд // – СПб. : Изд-во СПб-го ун-та, 1999. – 443 с.

2. Веселова Н. А. Заголовок литературно-художественного текста (Антология и поэтика) / Н. А. Веселова: автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.01.02 «Русская литература» – М. – 2005. – 22 с.
3. Кожина Н. А. Заглавие художественного произведения: структура, функции, типология (на материале русской прозы XIX-XXвв.) / Н. А. Кожина: автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.01.02 «Русская литература» – М. – 1986. – 22 с.
4. Кржижановский С. Д. Поэтика заглавий / Сигизмунд Доминикович Кржижановский – М. : «Никитинские субботники», типография «Озерковский кооператив», – 1931. – 22 с.
5. Мартынов Л. Н. Собрание сочинений в 3 т. / Леонид Николаевич Мартынов – М. : Художественная литература, – 1977. – Т.3. Проза. – 1977. – 414 с.
6. Мартынов Л. Н. Черты сходства: новеллы / Леонид Николаевич Мартынов – М. : Современник, 1982. – 224 с.
7. Николина Н. А. Заглавие и текст (Повесть Ф. М. Достоевского «Кроткая») / Н. А. Николина // Русский язык в школе. – М. – 2002. – №1 – С.46–52.
8. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы: Уч. пособие // Наталья Анатольевна Николина – М. : Флинта: Наука, 2002. – 424 с.
9. Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе: очерки истории и теории / Ю. Б. Орлицкий – М. : РГГУ. – 688 с.
10. Сарнов Б. М. Время таланта / Бенедикт Михайлович Сарнов – М. : Советский писатель, 1987. – 384 с.
11. Сидоров Е. Ю. Теченье стихотворных дней: Статьи. Портреты. Диалоги / Евгений Юрьевич Сидоров – М. : Советский писатель, 1988. – 288 с.
12. Фатеева Н. А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе / Н. А. Фатеева // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – № 5. – С.12–21.
13. Харченко Н. П. Заглавия, их функция и структура / Н. П. Харченко: автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.01.02 «Русская литература» – Л. – 1968. – 21 с.
14. Черняк М. А., Черняк В. Д. Заглавия массовой литературы и речевой портрет современника / М. А. Черняк, В. Д. Черняк // Мир русского слова. – 2002. – (19). – С.33–39.

Надійшла до редколегії 27.04.12

УДК [821.133.1-31 : 821.161.1-32].09

Д. А. Зубарь
г. Луганск

МЕДИЦИНСКИЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ Ж. К. ГЮЙСМАНСА «НАБОРОТ» И ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО «СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА»

Рассматривается медицинский дискурс эпохи fin-de-siècle в сравнении с медицинским дискурсом Ренессанса.

Ключевые слова: декадентский роман, медицинский дискурс, мировоззрение, мифологизация медицины, образ врача-мага.

Розглядається медичний дискурс епохи fin-de-siècle у порівнянні з медичним дискурсом Ренессансу.

Ключові слова: декадентський роман, медичний дискурс, світогляд, мифологізація медицини, образ лікаря-мага.

The article focuses on medical discourse of the epoch of fin-de-siècle in comparison to the medical discourse of the Renaissance.

Keywords: decadent novel, medical discourse, world-view, mythologizing of medicine, image of magician-physician.

М. М. Бахтин в работе «Формальный метод в литературоведении» отмечает, что литература, являясь самостоятельной и своеобразной идеологией, отражает в своем содержании тот идеологический кругозор, частью которого сама она является [4, с. 199]. Вне идеологии не мыслимы ни сюжет, ни лирический мотив, ни любой другой элемент литературного произведения как художественного целого, поэтому литературное произведение следует рассматривать как порождение духа времени, своеобразное воплощение мировоззрения эпохи, его идеологических составляющих. Для адекватной интерпретации произведения необходимо определить ту мировоззренческую доминанту, которая была интегрирована в произведение и определила его формально-содержательные элементы. А. Н. Долгенко верно отмечает, что «жанр как особый тип художественной целостности, создающий определенный образ миропереживания, запечатлевает определенное мировоззрение» [10, с. 3]. По мнению исследователя, в жанре декадентского романа был воплощен декаданс как особый тип мировоззрения. Однако, на наш взгляд, интерпретация декадентского романа исключительно в рамках декадентского мировоззрения (в том виде, в котором его понимает А. Н. Долгенко) не раскрывает в достаточной мере его идейного содержания. Вместе с тем, во-первых, литература запечатлевает только живой процесс становления кругозора, но не готовые догматы [4, с. 201], во-вторых, элементы других идеологических систем, попадая в литературное произведение, преобразуются в элементы литературы как особой идеологии и начинают функционировать по законам художественного целого, в частности по законам жанра. На наш взгляд, мировоззренческая доминанта, являющаяся жанрообразующим фактором декадентского романа, была определена медицинским дискурсом, который в разных модификациях был характерен как для эпохи Возрождения, так и для эпохи fin-de-siècle.

Целью статьи является сопоставление медицинских дискурсов эпохи Ф. Рабле и эпохи fin-de-siècle, а также анализ проявления медицинского дискурса в романе Ж. К. Гюисманса «Наоборот» и повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича». В нашем исследовании мы исходим из положения о принципиальном значении карнавальная традиции для формирования декадентского романа как жанровой разновидности. По мнению М. М. Бахтина, наиболее полное выражение данная традиция получила в творчестве Ф. Рабле, так как в эпоху Возрождения были созданы благоприятные условия для ее воплощения. Рассматривая ренессансное мировоззрение, Бахтин уделяет особое внимание значению медицины в системе наук: «...Эпоха Рабле во Франции была единственной эпохой в истории европейских идеологий, когда медицина находилась в центре не только всех естественных, но и гуманитарных наук и когда она почти отождествлялась с философией. Это была единственная эпоха... пытавшаяся ориентировать всю картину мира, все мировоззрение именно на медицине. В эту эпоху пытались осуществить требование Гиппократов: переносили мудрость в медицину и медицину в мудрость» [3]. М. М. Бахтин подчеркивает, что наиболее существенным влиянием медицины в парадигме наук было во Франции. Следует прибавить, что именно Франция стала родиной декадентского романа как жанровой разновидности, а

Ж. К. Гюисманс считается создателем жанрового канона. Бахтин, естественно, не использует в своем исследовании термин медицинский дискурс, однако мы полагаем, что данный термин наиболее адекватно передает суть явления. Под дискурсом, учитывая «размытость» данной категории, мы понимаем «совокупность письменных или устных текстов и ситуации их создания и актуализации» [11]. Мы определяем медицинский дискурс как совокупность текстов в рамках коммуникативной ситуации, сложившуюся в определенную эпоху, объединенную медицинской тематикой и выражающую последовательную мировоззренческую позицию.

Медицина в эпоху Возрождения «вышла из берегов» собственно медицинских, она стала центром гуманитарных наук, проникла в искусство. Многие великие гуманисты и ученые той эпохи были врачами: Корнелий Агриппа, химик Парацельс, математик Кардано, астроном Коперник. Бахтин отмечает, что «влияние медицины на искусство и литературу никогда не было так сильно, как в эпоху Рабле» [3]. Медицина стала источником тематического, образного материала для искусства, в частности литературы, медицинские понятия становились элементами других идеологических систем, своеобразно трансформируясь и приобретая новые свойства. Влияние медицины на литературу М. М. Бахтин иллюстрировал, в частности, следующим образом: «В 1537 году Рабле производил публичное анатомирование трупа повешенного, сопровождая его объяснениями. Эта демонстрация разъятого тела имела громадный успех. Этьен Доле посвятил этому событию небольшое латинское стихотворение. Здесь от лица самого повешенного прославляется его счастье: вместо того чтобы послужить пищей птицам, его труп помог демонстрации удивительной гармонии человеческого тела, и над ним склонялось лицо величайшего врача своего времени» [3]. В исследовании Бахтина указан ряд образов, появившихся в карнавальная литература под влиянием медицинского дискурса. Среди них следует отметить:

- гиппократов лик, описание признаков лица мертвеца, по которым врач делает заключение о смерти, наступающей или наступившей;
- образ тела в агонии, материального тела с точки зрения медицины как арены борьбы между жизнью и смертью;
- изображение тела в момент выполнения физиологических функций: чихания, сморкания, еды, дефекации, испускания ветров и т.д., данные функции, их полноценное протекание являются признаком жизни, здоровья материального тела;
- изображения внутренних органов, которые метонимически замещают тело, в особенности кишки, утробы; утроба представляет собой единство жизни и смерти: утроба поглощающая есть смерть, утроба рождающая – жизнь;
- изображение врача как человека, принимающего участие в жизни и смерти, как человека, сопровождающего у порога жизни и смерти;
- образ врача-мудреца, врача-чародея, врача-философа, врача-писателя, который, вероятно, восходит к архаичному образу врача-жреца.

Теперь рассмотрим эпоху рубежа XIX–XX вв. с точки зрения места медицины в системе наук и ее роли в мировоззрении эпохи. На наш взгляд, роль медицины в эпоху fin-de-siècle соотносима с ее ролью в эпоху Рабле, однако следует принять во внимание, что к этому времени медицина значительно дифференцировалась по

направлениям. Врач на рубеже XIX–XX вв. был не просто врачом, он был хирургом, физиологом, неврологом, гомеопатом и т. д. Принципиальное значение для исследования декадентского романа, а также литературы эпохи модернизма в целом, на наш взгляд, имеет тот факт, что парадигма отраслей медицины была представлена в медицинском дискурсе неравномерно. Отраслями медицины, наиболее активно, проникающими в искусство и гуманитарные науки, особенно в философию были: неврология, психопатология, психиатрия, физиология высшей нервной деятельности. Иными словами, это – цикл отраслей, находящихся на стыке материального и духовного в человеке, исследующих соотношение между психическими и физиологическими процессами. Ольга Матич в книге «Эротическая утопия» отмечает, что на рубеже XIX–XX вв. работы по психиатрии и психопатологии были популярны среди русской интеллигенции, в частности среди писателей и литературных деятелей: «Толстой и князь Нехлюдов в «Воскресении» (1899) читали исследования по психопатологии Ж. М. Шарко, Чезаре Ломброзо и Генри Модсли. Соловьев посвятил целый раздел «Смысла любви» (1892–1894), программно произведения эпохи об эротической любви, очерку Альфреда Бине о фетишизме (1887) и книге Рихарда фон Крафт-Эбинга «Половая психопатия» (1886), одному из наиболее влиятельных исследований в психиатрии до Фрейда. (Даже духовные лица во время религиозно-философских чтений ссылались на книгу Крафт-Эбинга). Розанов опубликовал книгу под названием «Люди лунного света», свою собственную версию работы Крафт-Эбинга о патологических случаях, которую можно интерпретировать как экстравагантное исследование гендерных аспектов и гомосексуальности. Андрей Белый писал в мемуарах, что Гиппиус с большим интересом читала Крафт-Эбинга в 1906 г. В 1918 г. Блок обращался к бестселлеру Макса Нордау «Вырождение» [1, с. 12–13].

Книга Нордау представляет интерес для нашего исследования, поскольку в рамках деятельности Макса Нордау произошла своеобразная поэтизация, мифизация медицины. При всей своей нелепости его теория имеет ключевое значение для понимания духа рассматриваемой эпохи. Книга Нордау, наряду с учением о дегенерации Огюстена Мореля, была ядром мифа о вырождении. В рамках этого мифа описывались «разнообразные симптомы воображаемой болезни вырождения, включая неврастению, истерию, атавизм, наследственный сифилис, фетишизм и гомосексуальность, причем предполагалось, что все эти недуги были опасны не только для отдельного человека, но и для нации (national body) в целом» [1, с. 12]. В этом контексте обратим внимание на словосочетание national body – дословно: национальное тело. Это тело, на наш взгляд, является ни чем иным, как народным телом в романах Рабле, полным жизненной энергии, торжествующим обновлением, и поэтому индивидуальная смерть не кажется трагедией. В эпоху fin-de-siècle нездоровье коснулось национального тела, цикл его обновлений нарушился, поэтому индивидуальная смерть уже пугала, страх смерти уже не компенсировался радостью обновления. Обратим внимание на личность М. Нордау. Он был «журналистом, который получил образование врача, он извлек свою теорию о вырождении из психиатрической больницы, где он работал под руководством Шарко, и применил ее к литературному и философскому авангарду» [1, с. 13]. Само сочетание журналист-психиатр, проявляющий одинаковую активность в обеих

областях деятельности, является настолько же нетрадиционным, насколько оно характерно для эпохи. В лице Нордау, мы имеем дело с неправомерным медицинским подходом к литературе, в рамках которого литературу меряют не своей мерой. Однако выход медицины за свои пределы, мифизация, поэтизация медицины, ее сближение с гуманитарными науками играет важную роль в эпохе рубежа XIX–XX вв. Эта тенденция достигнет кульминации в творчестве З. Фрейда

О. Матич отмечает связь между декадансом и медицинским дискурсом: «Цветы зла» Ш. Бодлера (1857), общепризнанного предвестника декаданса в литературе, вышли в один год с «Трактатом о дегенерациях» Огюстена Мореля. Хронологическое совпадение поэтического сборника Бодлера и научного трактата Мореля говорит, по мнению ученой, о возникновении важного культурного дискурса второй половины XIX века, в котором сочетался художественный декаданс и псевдонаучная теория вырождения [1, с. 11]. Мы же полагаем, что данный дискурс был частью более обширного медицинского дискурса, сложившегося в Европе к началу XX века. В России в данную эпоху медицина, также как и в Европе, стремительно развивалась в рамках психологии, психиатрии и физиологии высшей нервной деятельности. Здесь, прежде всего, следует отметить деятельность двух выдающихся российских физиологов: И. П. Павлова, создателя учения об условных рефлексах, и А. А. Ухтомского, создателя учения о доминанте. Обоих исследователей объединял поиск «материальных основ психической деятельности» [5, с. 525], естественнонаучных основ душевной деятельности, взаимосвязи и взаимоотношения между материальным и духовным в человеке. Так, Павлов пытался «интерпретировать некоторые психические и нервные заболевания, например шизофрению и истерию с точки зрения физиологии высшей нервной деятельности» [5, с. 526]. Он являлся продолжателем идей Сеченова, которые были заложены последним в «Рефлексах головного мозга», – «свести психические процессы к физиологическим основам» [там же]. Научная деятельность Ухтомского связана «с попыткой создания основ единой науки о человеке, построенной им на стыке различных научных направлений: философии, биологии, физиологии, психологии, социологии и этики» [2]. Его учение о доминанте в настоящее время широко применяется за пределами медицины, в частности в гуманитарных науках и теории искусств: «А. А. Ухтомский стал одним из провозвестников нового синтезирующего мышления, которое охватывало не только естествознание, но и науку о человеке, объединяло в единое целое множество различных направлений и проблем» [2]. Если Нордау был врачом-публицистом, врачом-критиком, то Ухтомский был врачом-философом; также, что для нас немаловажно, Ухтомский был священником. В мировоззрении Ухтомского сочетались «глубокая религиозная вера и материалистические искания в науке» [2]. Он окончил духовную семинарию, затем Московскую Духовную академию; затем стал кандидатом богословия, был старостой единоверческой церкви, в которой сам вел службу, «монахом в миру». Отметим, что Павлов, родившийся в семье священника, также окончил духовную семинарию. Таким образом, в русском медицинском дискурсе эпохи рубежа XIX – XX столетия важную роль играл врач-священник, врачеватель не только тела, но и души, признававший в человеке материальное и идеальное, тонко чувствующий взаимосвязь этих составляющих.

В Западной Европе слияние медицины с философией и искусством наиболее полно и оригинально осуществилось в творчестве Зигмунда Фрейда. Фрейд также, как и рассмотренные выше русские врачи, сочетал изучение телесного в человеке с изучением душевного. Он первоначально увлекался физиологией, затем выбрал своей специальностью невропатологию, занимался анатомией центральной нервной системы, затем изучал психиатрию под руководством Шарко; в 1893 г. издал книгу по психиатрии «Об истерии», а в 1901 появляется небезызвестное «Толкование сновидений», где закладываются основы фрейдовского учения. Отметим, что учение Фрейда, никогда не считавшего себя врачом, нельзя в полной мере считать медициной. Когда (после 1908 г.) идеи Фрейда получили широкую популярность, они встретили резкое сопротивление у представителей официальной невропатологии и психиатрии. После войны Фрейд в значительной степени отошел от медицинских интересов, обратившись к философским трактовкам ряда биологических, психологических и общекультурных вопросов в духе реакционно-идеалистических воззрений Ницше и Шопенгауэра [6, с. 67–68]. Таким образом, Фрейд проделал путь от анатомии через психиатрию и психоанализ к философии.

На наш взгляд, творчество Фрейда носит итоговый характер в рамках рассматриваемой тенденции. В. Д. Днепров называет учение Фрейда мифологией: «Фрейдизм – это наукообразный миф о больном, социально-ущербном сознании. Как древние мифы доставляли художникам картины природы и общества, предварительно уже обработанные фантазией, так фрейдизм с немалой экспрессией представил психическую жизнь в образах-понятиях и впервые после многих столетий предложил искусству, так сказать, мифический полуфабрикат. Недаром Томас Манн называл Фрейда «художником понятий». Недаром некоторые книги Фрейда заканчивают вопросом: а не написали ли мы роман?» [9, с. 353–354]. По Днепрову, Фрейд – автор произведений, романов-мифов – медицинских трактатов, в которых слились наука, искусство и религия. В творчестве австрийца произошла своего рода архаизация мировоззрения, синтез, уподобляющий творчество синкретизму. Таким образом, в эпоху fin-de-siècle в рамках медицинского дискурса сложились благоприятные условия для возрождения карнавальской традиции. Однако специфика медицинского дискурса эпохи, точнее, специфика отраженного в нем мировоззрения, обусловила изменения в карнавальской традиции по сравнению с раблезианской. Принципиальным отличием была смена возрождения вырождением. В данном контексте рассмотрим роман Ж. К. Гюисманса «Наоборот» и повесть Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича». Здесь в модифицированном виде реализуются мотивы, характерные для раблезианской традиции, в частности:

- изображение болезней внутренних органов, в особенности кишок, которые метонимически замещают умирание тела;
- мотив неприятия пищи организмом как нарушение одной из главных функций его жизнедеятельности;
- образ врача, ведущего борьбу со смертью, успешно или безуспешно;
- мотив важности хорошего настроения, определенного образа мыслей для выздоровления и поддержания жизни.

В повести Толстого также присутствует яркий образ Гиппократова лика. Петр Иванович заходит в «комнату мертвеца» попрощаться с Иваном Ильичом, и

начинает разглядывать усопшего. Он «стал разглядывать мертвеца. Мертвец лежал, как всегда лежат мертвецы, особенно тяжело, по-мертвецки утонувши окоченевшими членами в подстилке гроба, с навсегда согнувшейся головой на подушке, и *выставляя, как всегда выставляют мертвецы*, свой желтый восковой лоб с взлизями на ввалившихся висках и торчащий нос, как бы надавивший на верхнюю губу. Он очень переменялся, еще похудел с тех пор, как Петр Иванович не видал его, но, *как у всех мертвецов*, лицо его было красивее, главное – значительнее, чем оно было у живого. На лице было выражение того, что-то, что нужно было сделать, сделано, и сделано правильно. Кроме того, в этом выражении был еще упрек или напоминание живым» [12, с. 133]. В данном отрывке, мертвец (причем слово мертвец, на наш взгляд, несколько выбивается из контекста, к которому больше подходит слово покойник) намеренно обезличен, подчеркивается его сходство с прочими мертвецами. Иван Ильич в данном фрагменте олицетворяет не самого себя как отдельную личность, и даже не собственное мертвое тело, он олицетворяет мертвеца вообще, иными словами он олицетворяет смерть. Лицо мертвеца – это лицо смерти. Об этом явлении Бахтин писал: «Подчеркнем еще знаменитую *facies hippocratica* – «Гиппократов лик». Здесь лицо является не выражением субъективной экспрессии, не чувств и мыслей больного, а показателем объективного факта близости смерти. Лицом больного говорит не он сам, а жизнь-смерть, принадлежащая к надындивидуальной сфере родовой жизни тела. Лицо и тело умирающего перестают быть самими собой. Степень сходства с самим собой определяет степень близости или отдаленности смерти» [3]. У Рабле кишки, потроха, символизируют утробу, цикл надындивидуальной жизни. У Толстого болезнь кишки равна смерти всего организма: «Слепая кишка? Почка, – сказал он [Иван Ильич – Д. З.] себе. – Не в слепой кишке, не в почке дело, а в жизни и... смерти. Да, жизнь была и вот уходит, уходит, и я не могу удержаться ее. Да. Зачем обманывать себя? Разве не очевидно всем, кроме меня, что я умираю, и вопрос только в числе недель, дней – сейчас, может быть» [12, с. 160]. В повести Толстого первые симптомы смертельной болезни героя связаны с пищеварительной системой: «Нельзя было назвать нездоровьем то, что Иван Ильич говорил иногда, что у него странный вкус во рту и что-то неловко в левой стороне живота» [12, с. 152].

В то время как романы Рабле изобилуют пиршественными образами, их герои поглощают невероятное количество пищи и выпивают астрономическое количество вина, герои эпохи fin-de-siècle не в состоянии съесть даже легкую пищу, любое, даже самое безобидное блюдо вызывает тошноту, рвоту, боли; пища не усваивается. У Ивана Ильича пища вызывает резкое ухудшение настроения: «Начинались его придирки всегда перед самым обедом и часто, именно когда он начинал есть, за супом. ... он раза два во время начала обеда приходил в такое бешенство, что она [Прасковья Федоровна – Д. З.] поняла, что это болезненное состояние» [12, с. 152]. В повести подчеркивается также «невкусность» пищи: «Ему готовили особенные кушанья по предписанию врачей; но кушанья эти все были для него безвкуснее и безвкуснее, отвратительнее и отвратительнее» [12, с. 165]. У Толстого также описывается трудность дефекации как обратной стороны поглощения пищи, в противовес героям Рабле, известным обильными испражнениями: «Для испражнений его тоже были сделаны особые приспособления, и всякий раз это было

мученье. Мученье от нечистоты, неприличия и запаха, от сознания того, что в этом должен участвовать другой человек» [Там же]. С аналогичным явлением мы сталкиваемся в «Наоборот»: невроз дез Эссента проявляется, главным образом, в неспособности есть. При лечении герой становится «лакомкой наоборот»: ему вводят питательные пептоновые клизмы, так как его желудок не в состоянии переваривать пищу. Здесь любовь дез Эссента ко всему искусственному достигает наивысшей точки. Жан восхищается этим способом кормления: «Клизма действовала. И дез Эссент мысленно благословил эту процедуру, в некотором роде венец той жизни, которую он сам себе устроил. Его жажда искусственности была теперь, даже помимо его воли, удовлетворена самым полным образом. Полней некуда. Искусственное питание – предел искусственности!» [7].

Таким образом, непомерное раблезианское обжорство сменяется плохим аппетитом, смертью от истощения, заболеваниями пищеварительной системы. Раблезианский оптимизм сменяется декадентским пессимизмом, желание жить – болезнью и смертью. Но все это происходит в рамках одних и тех же образов. И у Гюисманса, и у Толстого присутствует врач: у первого – это врач-спаситель, мудрый врач, у второго – это группа бестолковых, ни на что не способных, не приходящих к единому мнению, корыстных врачей. Врач из Парижа, давний приятель Жана, буквально вытаскивает полусумасшедшего героя из когтей смерти. Он безошибочно определяет причину невроза, внимательно осмотрев больного и поглядев мочу. Его предписания начинают действовать практически сразу. Врач оказывается мудрецом, ведь это он настаивает на том, чтобы Жан переехал из Фонтенея, ведь в этом доме «его ожидает умопомешательство и в придачу легочное заболевание» [Там же]. Врач подчеркивает важность здорового духа, хорошего настроения, говоря, что «необходимо оставить уединение, вернуться в Париж, влиться в общую жизнь и, помимо прочего, развлекаться, как все люди», ведь «перемена образа жизни – это вопрос жизни и смерти» [Там же]. У Гюисманса, подчеркивается связь между психическим и физическим здоровьем: «Доктор сухо и категорически повторил, что, и на его собственный взгляд, и на взгляд всех невропатологов, только радости, развлечения и удовольствия способны побороть болезнь, ибо ее духовная сторона неподвластна химическому воздействию лекарств» [Там же]. Также немаловажно, что гюисмансовские врачи единодушны в своем мнении касательно дез Эссента: «Дез Эссент помчался в Париж, посетил других врачей и, ничего не скрывая, рассказал им обо всем. И все, как один, подтвердили вердикт своего коллеги. (...) Врачи в один голос твердили: развлечения, веселье!» [Там же]. У Толстого же, напротив, врачи оказываются беспомощны, подчеркивается, что их интересует лишь гонорар за оказанные услуги, им не столько интересен пациент, они не мудры и не могут прийти к единому мнению насчет диагноза и метода лечения Ивана Ильича. Герой мечется от одного врача к другому, и доктора не вселяют в него надежды и веры в выздоровление, как в случае с дез Эссентом, а наоборот, способствуют утрате веры и озлоблению: «Ухудшало его положение то, что он читал медицинские книги и советовался с докторами. (...) Но когда он советовался с докторами, тогда ему казалось, что идет к худшему и очень быстро даже. И несмотря на это, он постоянно советовался с докторами. В этот месяц он побывал у другой знаменитости: другая знаменитость сказала почти то же, что и первая, но

иначе поставила вопросы. И совет с этой знаменитостью только усугубил сомнение и страх Ивана Ильича. Приятель его приятеля – доктор очень хороший – тот еще совсем иначе определил болезнь и, несмотря на то, что обещал выздоровление, своими вопросами и предположениями еще больше спутал Ивана Ильича и усилил его сомнение. Гомеопат – еще иначе определил болезнь и дал лекарство, и Иван Ильич, тайно от всех, принял его с неделю. Но после недели не почувствовав облегчения и потеряв доверие и к прежним лечением, и к этому, пришел в еще большее уныние» [12, с. 155–156].

В повести проводится параллель между ухудшением настроения и ухудшением физического самочувствия. «Теперь же всякая неудача подкашивала его и ввергала в отчаяние. Он говорил себе: вот только что я стал поправляться и лекарство начинало уже действовать, и вот это проклятое несчастье или неприятность... И он злился на несчастье или на людей, делавших ему неприятности и убивающих его, и чувствовал, как эта злота убивает его; но не мог воздержаться от нее. Казалось бы, ему должно бы было быть ясно, что это озлобление его на обстоятельства и людей усиливает его болезнь и что поэтому ему надо не обращать внимания на неприятные случайности; но он делал совершенно обратное рассуждение: он говорил, что ему нужно спокойствие, следил за всем, что нарушало это спокойствие, и при всяком малейшем нарушении приходил в раздражение» [12, с. 155]. Получается, что Иван Ильич гибнет в какой-то мере из-за собственного уныния и глупости, ибо здоровое тело возможно только при наличии здорового духа. Таким образом, в декадентском романе Гюисманса реализуется более оптимистичное мировоззрение по сравнению с повестью Толстого, ведь жизнь в борьбе со смертью все-таки побеждает. Можно предположить, что существует два варианта развязки «медицинского» сюжета в рамках карнавальской традиции: когда побеждает жизнь, и когда побеждает смерть. Например, смерть побеждает в декадентском романе Роденбаха «Выше жизни», ибо герой гибнет, не справившись с депрессией. У Гюисманса в обоих декадентских романах побеждает жизнь. В романе «Там, внизу, или Бездна» астронома Гевенгэ излечивает от недугов, вызванных колдовством, молитвами и заклинаниями, врачеватель-священник Иоганнес. В лице Иоганнеса мы имеем врачевателя-заклинателя духов, целителя-мага, данный образ, на наш взгляд восходит к образу древнего врача-жреца. Мы уже отмечали, что русские врачи, Павлов и Ухтомский были священниками, причем Ухтомский сознательно перешел в единоверие, то есть в более архаичную религиозную традицию. Как врач и священник в одном лице, Ухтомский одновременно врачевал и тело, и душу. Таким образом, жизнотворчество в эпоху fin-de-siècle касалось не только символистского течения. Обратим внимание, что один из главных героев романа М. Арцыбашева «У последней черты» – врач, наблюдающий за рядом умирающих от болезни или умерших вследствие самоубийства людей. Главным герой трилогии Ф. Сологуба «Творимая легенда» Георгий Триродов – химик, ученый алхимик и маг. На наш взгляд, этот образ также восходит к архетипу врача-жреца, причем он, среди подобных образов декадентских романов наиболее архаичен, так в его власти убивать, задерживать смерть и воскрешать из мертвых. Интерпретация данного образа в контексте медицинской тематики осветит новую грань в прочтении трилогии.

Идеологическое содержание декадентского романа не ограничивается декадансом как особым типом мировоззрения. На формирование мировоззрения, выраженного в данной жанровой разновидности значительное влияние оказал медицинский дискурс. В эпоху fin-de-siècle, так же как и в эпоху Рабле, происходит взаимопроникновение медицины, философии, искусства и религии. Медицинский дискурс является источником тематики и образов декадентского романа, таких как гиппократов лик, образ врача-жреца, мотив неприятия пищи организмом и т. д. Мотив здоровья-болезни, представленный в литературе эпохи fin-de-siècle, связан не столько с индивидуальным, сколько с надиндивидуальным бытием. Мы полагаем, что замена возрождения вырождением вызвана изменениями философской идеологии, связанными с некоторыми социальными преобразованиями. Раскрытие природы этих изменений имеет ключевое значение в исследовании декадентского романа, что составит предмет дальнейших исследований в данном направлении.

Библиографические ссылки

1. Matich O. Erotic Utopia: The Decadent Imagination in Russia's Fin de Siecle / Olga Matich. – Madison: The University of Wisconsin Press, 2005. – 355 p.
2. Батуев А. С., Соколова Л. В. –Алексей Алексеевич Ухтомский – великий ученый-гуманист [Электронный ресурс] // А. С. Батуев, Л. В. Соколова. – Режим доступа: http://www.genealogia.ru/users/rurik/biograf/Uhtom_AA.htm.
3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса [Электронный ресурс] / М. М. Бахтин. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/bahtin/rable.html>.
4. Бахтин М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / Составление, текстологическая подготовка И. В. Пешкова. Комментарии Л. В. Махлина, И. В. Пешкова / М. М. Бахтин – М.: Лабиринт, 2000. – 640 с.
5. Большая медицинская энциклопедия [Электронный ресурс]: 35 томов. – М., 2006. – В 4-х дисках. – Диск 3.
6. Большая медицинская энциклопедия [Электронный ресурс]: 35 томов. – М., 2006. – В 4-х дисках. – Диск 4.
7. Гюисманс Ж. К. Наоборот / Перевод с фр. Е. Л. Кассировой, под ред. В. М. Толмачева [Электронный ресурс] // Гюисманс Ж. К., Рильке Р. М., Джойс Д. Наоборот. Три символистских романа. – М., 1995. – Режим доступа: <http://www.gramotey.com/books/401213956700.14.htm>.
8. Гюисманс Ж. К. Там, внизу, или Бездна [Электронный ресурс] / Ж. К. Гюисманс. – М., 1993. – Режим доступа: <http://i.posters.ec/a/3917>.
9. Днепров В. Д. Черты романа XX века / В. Д. Днепров. – Л.: Советский писатель, 1965. – 548 с.
10. Долгенко А. Н. Художественный мир русского декадентского романа рубежа XIX – XX веков: автореф. дис. докт. филол. наук: спец.: 10.01.01 «Русская литература» / А. Н. Долгенко. – Волгоград, 2005. – 40 с.
11. Каменская Т. Н. Понятие дискурса в лингвистике [Электронный ресурс] / Т. Н. Каменская, 2010. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/8_NND_2010/Philologia/60574.doc.htm.
12. Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича: Повести и рассказы / Сост., вступ. статья, коммент. Э. Бабаева / Л. Н. Толстой. – Л.: Худож. лит., 1983. – 304 с. (Классики и современники. Русская класс. литература).

Надійшла до редакції 04.05.12

УДК 821. 161. 2. 02

Е. Г. Иванцов

г. Днепропетровск

ДИСКУРС КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «Т»

Рассматривается своеобразие использования В. Пелевиным дискурса компьютерной игры в романе «Т».

Ключевые слова: текст, дискурс, виртуальная реальность, игра.

Розглядається своєрідність використання В. Пелевіним дискурсу комп'ютерної гри в романі «Т».

Ключові слова: текст, дискурс, віртуальна реальність, гра.

The originality of Pelevin's discourse of computer games in the novel «T» is under research.

Keywords: text, discourse, virtual reality game.

Технологический прорыв, связанный с развитием интернета, других средств массовой коммуникации, без сомнения, оказывает огромное влияние и на художественную культуру, которая становится всё более адекватной виртуальной реальности, принципам её существования и функционирования. Данный аспект крайне недостаточно изучен в науке о литературе, что обуславливает научную новизну данной статьи. Степень исследованности форм и способов взаимодействия художественного текста с виртуальным контекстом компьютерного дискурса сегодня недостаточна. Цель обращения к тексту обусловлена выявлением и анализом дискурса компьютерной игры в романе В. Пелевина «Т».

Роман В. Пелевина «Т» наполнен аллюзиями и знаками, характеризующими не только период развитого (позднего) бытования постмодернизма в русской литературе; в нём актуализированы последние парадигмы движения культуры в условиях интенсивного развития массовых коммуникаций, изменения ролей и статусов читателя (особенно молодого), писателя, текста и его функционирования в сегодняшнем мире. Будучи автором, пишущим как для массового читателя, так и для элитарного, В. Пелевин выбирает стратегию развлекательности сюжета, но с неизменным для этого автора ироническим переосмыслением многих культурологических и литературоведческих дефиниций, характеризующих «живой» процесс презентации, восприятия, понимания художественного текста. Сегодня очевидно, что «информационная среда, частью которой является и литература, это вторая, субъективная реальность, где в разных дозах сочетаются адекватная и иллюзорная проекции действительности» [4, с. 4]. В этих процессах есть как положительные, так и отрицательные стороны. Ж. Бодрийяр отмечает, что «сегодня мы находимся на таком этапе эволюции, на котором нам не дано знать, освободит ли нас, как на то надеются оптимисты, достигшая высшей степени сложности и совершенства техника или же мы идём к катастрофе» [1, с. 21].

Компьютерный дискурс трансформирует поэтику многих художественных текстов, что в полной мере относится не только к творчеству В. Пелевина, но и к некоторым текстам таких авторов, как Д. Липскеров, А. Житинский, А. Слаповский, Д. Галковский и другие. В. Пелевин уже достаточно давно использует интернетовские ресурсы для активного представительства на уровне авторского